

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. Ю. Шведова

ОЧЕРКИ
ПО
СИНТАКСИСУ
РУССКОЙ
РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Наталья Юльевна Шведова

**Очерки по синтаксису
русской разговорной речи**

*Утверждено к печати Институтом русского языка
Академии наук СССР*

Технический редактор *И. А. Макоглонова*

РИСО АН СССР № 27—110В. Сдано в набор 2-XI-1959 г.
Подписано к печати 16/III 1960 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 23,75. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 6000 экз. Т. 03022.
Изд. № 4206. Тип. зак. № 402.

Цена 15 р.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Ю. ШВЕДОВА

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКОЙ
РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

Ответственный редактор
академик В. В. ВИНОВАДОВ

ВВЕДЕНИЕ

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной. Письменная речь — это всегда так или иначе обработанная и обдумываемая фиксация языка с целью последующего воспроизведения написанного. Разговорная речь — это сам произносимый, звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или слушателям, не подвергающийся предварительной обработке и не рассчитанный на фиксацию: «The spoken word is a fleeting thing; after being uttered it is gone...»¹.

В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий употребляет готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение между письменной и разговорной речью². Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной³.

¹ D. Jones. Differences between spoken and written language. London, 1948, стр. 2.

² Подчеркивая мысль о том, что при писании, в отличие от говорения, имеет место обдумывание, возможность исправлений и т. д., Балли писал: «La phrase parlée doit être la base de la syntaxe» (Ch. Bally. Le langage et la vie. 3 éd., Genève, 1952, стр. 72).

³ Ср.: «Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется „разговорным стилем“. Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата может быть представлен так называемый „письменный“ или „книжный“ стиль...» (А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. О лингвистических основах преподавания ино-

Известно, что различие двух форм речи в значительной степени обуславливается различием «в общественных условиях и в материальных средствах социального общения»⁴. Повторять здесь описание этих условий вряд ли нужно⁵.

Строевые и функциональные различия между разговорной и письменной речью неоднократно отмечались исследователями. Еще в 1914 г. рано умерший талантливый языковед А. Н. Боголюбов писал: «Существенной остается разница между письмом и говорением, между чтением глазами и слушанием; между языком, к которому привыкают наши руки и глаза, и языком, к которому привыкают наш язык (и вообще органы говоренья) и наши уши... Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения»⁶. И дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматической, то... здесь окажется заметная между ними разница. Грамматическое строение говоримой речи зависит в значительной степени от обстановки говоренья и от собеседников или слушателей»⁷. А. П. Якубинский подчеркивал, что, в отличие от разговорной речи, «письменная речь является речью, закрепляемой в порядке ее осуществления; в результате остается, таким образом, нечто пребывающее, некоторое произведение»⁸. Однако в нашем отечественном языкознании проблема разговорной речи не получила специальной разработки. Ею больше занимались зарубежные лингвисты,

странных языков. «Ин. язык в школе», 1954, № 3, стр. 50). — Отождествление разговорной речи и речи устной, принятое в «Очерках по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро (М., 1953), вряд ли можно признать удачным; такое отождествление влечет за собой слишком широкое и неопределенное наполнение этого термина; ср. утверждение, что к устной речи «...относятся как диалог, состоящий из вопроса-ответа по поводу иногда самого мелкого житейского факта...», так и знаменитая сцена приема чиновников Хлестаковым или не менее знаменитый судебный допрос Катюши Масловой» (стр. 6).

⁴ В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 78. Ср.: его же. О категории модальности и о модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 45.

⁵ О функциональных различиях разговорной и письменной речи см., например: Ch. Bally. *Le langage et la vie*, раздел «Langue écrite et langue parlée», стр. 68—72; его же. *Traité de stylistique française*, v. I, 3 éd., Genève—Paris, 1951, стр. 284—322.

⁶ А. Н. Боголюбов. Об изучении литературных языков. Методологический очерк. «Уч. зап. Казанского ун-та», год LXXXI, кн. 3, март, Казань, 1914, Часть неофициальная, стр. 9.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ А. П. Якубинский. О диалогической речи. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I. Пг., 1923, стр. 145.

главным образом немецкие и французские. Начиная с известной работы Вундерлиха⁹, можно назвать целый ряд исследований, посвященных «повседневной», «обиходной», «говоримой» речи (*Umgangssprache*, *langue parlée*). Это книги Балли, Мартино¹⁰, Фрея¹¹, Шпитцера¹², Брауэ¹³, Гофмана¹⁴ и др. Общим для этих работ является понимание разговорной речи как «языка разговора», непринужденной, «без небрежности и без изысканности» строящейся устной речи правильно говорящих носителей соответствующего языка¹⁵, имеющей свои характерные черты и нормы употребления¹⁶ и отличающейся от «логической» и «интеллектуализированной» письменной речи эффективностью, конкретностью и индивидуальной выразительностью¹⁷.

Являясь двумя функциональными разновидностями единого языка, две формы речи в большинстве своих структурных черт совпадают друг с другом. Но между ними существуют и значительные различия. Собственно языковые различия между разговорной и письменной речью с наибольшей четкостью выявляются прежде всего в области интонации, лексики и фразеологии, а также в области синтаксиса предложения¹⁸. Некоторые

⁹ H. Wunderlich. *Unsere Umgangssprache in der Eigenart ihrer Satzfügung*. Weimar und Berlin, 1894.

¹⁰ Ph. Martinon. *Comment on parle en français*. Paris, 1927.

¹¹ H. Frei. *La Grammaire des fautes*. Paris, 1929.

¹² L. Spitzer. *Italienische Umgangssprache*. Bonn und Leipzig, 1922.

¹³ A. Braue. *Beiträge zur Satzgestaltung der spanischen Umgangssprache*. Hamburg, 1931.

¹⁴ I. B. Hofmann. *Lateinische Umgangssprache*, 3. Aufl. Heidelberg, 1951. — В этой книге — именно в третьем издании — кратко охарактеризованы основные направления в изучении *Umgangssprache* и даны сжатые аннотации соответствующих исследований (стр. XV—XVI, 185—186).

¹⁵ Следуя за Вундерлихом, Шпитцер пишет: «Für mich ist Umgangssprache einfach mündliche Rede des „korrekt“ (normal, durchschnittlich) sprechenden Italiener» (L. Spitzer. *Italienische Umgangssprache*, стр. VII).

¹⁶ «...On ne parle pas tout à fait comme on écrit, et la formule vous parlez comme un livre n'est un compliment que dans la bouche des ignorants» (Ph. Martinon. *Comment on parle en français*, стр. V).

¹⁷ «...Die Umgangssprache in erster Linie Affektsprache ist gegenüber der mehr oder weniger intellektualisierten Schriftsprache...» (I. B. Hofmann. *Lateinische Umgangssprache*, стр. 2). См. также: Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, v. I, стр. 286.

¹⁸ «Основное различие между языком аффективным и логическим (интеллектуальным) заключается в построении фразы. Эта разница бросается в глаза при сравнении языка письменного с языком устным» (Ж. Вандриес. *Язык*. М., 1937, стр. 141). — «La langue parlée montre, dans sa syntaxe, une différence fondamentale avec la syntaxe ordinaire...» (Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, v. I, стр. 318). — «Wenn wir versuchen wollen, eine Abgrenzung zwischen Schrift- und Umgangssprache, zwischen der für das Auge berechneten Schrift und der für das Ohr bestimmten

исследователи, исходя из правильного положения о том, что эти две формы речи имеют каждая свои особые строевые черты, вообще приходят к выводу о невозможности создания единой грамматики для языка в целом. Так, Фрей, еще в своей «La Grammaire des fautes» (1929) развивавший тезис о том, что «функциональная лингвистика имеет в качестве единственного и подлинного объекта речь, рассматриваемую в качестве системы приемов, организованной для потребностей, которые она должна удовлетворять»¹⁹, в более поздней работе утверждает, что общая грамматика того или иного языка вообще не может быть ничем иным, как только «беспорядочной смесью» (*un méli-mélo*), грамматикой многих систем»²⁰. Таким образом отрицается цельность языка как единой системы.

Обычно считается, что разговорная речь в своем строении свободнее речи письменной, что у нее нет своих строгих норм и правил, обязательное наличие которых характеризует речь письменную. Однако эта «свобода» оказывается в значительной степени мнимой, и распространенное мнение о свободе строя разговорной речи, о «недостаточной оформленности» ее конструкций держится только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Больше того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь свободнее в выборе языковых средств, чем речь «говоримая».

Вдумчивые лингвисты уже давно обратили внимание на то, что обязательность употребления готовых языковых формул, их «неприкосновенность» в разговорной речи острее дает себя знать, чем в речи письменной, основанной на процессе обдуманного избирания. «При говорении всегда существует наивная иллюзия, что мы самую действительность вовлекаем в сферу речи; о чем мы говорим, то и фигурирует в нашей речи под своими языковыми ярлыками и под их сочетаниями... Иное дело язык письменный. Вследствие... особенностей писательского процесса эта иллюзия должна значительно ослабевать или даже совсем исчезнуть: слишком чувствительно здесь вторгаются между «словами» и «вещами», между речью и действи-

Rede zu gewinnen, so ist zunächst von der Definition des Satzes auszugehen» (I. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache, стр. 1).

¹⁹ «... La linguistique fonctionnelle a pour unique et véritable objet le langage, envisagé comme un système de procédés qui est organisé en vue des besoins qu'il doit satisfaire» (H. Frei. La Grammaire des fautes, стр. 39).

²⁰ См.: H. Frei. Le livre des deux mille phrases. Genève, 1953, стр. 12. (План и изложение теоретических основ этой книги см.: H. Frei. Qu'est-ce qu'un Dictionnaire de phrases. Cahiers Ferdinand de Saussure, 1, 1941).

тельностью и самый труд писания этих слов, и возможность обдуманного подбора слов и выражений, и необходимость быть обстоятельным. Здесь возникает уже другая иллюзия, иллюзия свободы в выборе слов и выражений, названий и оборотов; сильнее начинает чувствоваться момент логической и эстетической оценки, прозаическая и поэтическая ценность различных языковых средств, — в ущерб чувству обязательности такого-то говоренья при таких-то обстоятельствах и неприкосновенности готовых традиционных формул»²¹.

«Устная речь... имеет организованные формы своего построения»²². Но строй разговорной речи обладает по сравнению со строем письменной речи особой спецификой²³. Эта специфика заключается не только в так называемой «неполноте» или эллиптичности высказываний или в преобладании сочинения над подчинением. Она — в наличии огромного количества особого рода стабилизовавшихся построений, с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими. Здесь наблюдается два рода явлений. 1) В разговорной речи обильно представлены застывшие конструкции, «шаблонные фразы», не требующие «комбинирования» и не поддающиеся отчетливому членению — «построения в субстантивном значении этого слова» (в противоположность отчетливо членимым, допускающим комбинирование «построениям в глагольном значении этого слова») ²⁴. В качестве одного из многих возможных примеров можно назвать построения типа *Что правда то правда* (*Что так то так*, *Что верно то верно* и т. п.), лишь внешне воспроизводящие схему сложного предложения, по существу же нечленимые, категориально и лексически ограниченные и несущие в своей форме модальное значение уверенного утверждения. Стабилизация в языке подобных конструкций часто сопровождается сложными лексико-семантическими процессами, происходящими внутри слов, которые входят в структурный остов таких образований. 2) Те или иные собственно синтаксические явления

²¹ А. Н. Боголюбов. Об изучении литературных языков, стр. 16 (курсив автора. — Н. Ш.) Ср. сходные мысли в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи», стр. 174—176.

²² В. В. Виноградов. Проблема сказа в стилистике. Сб. «Поэтика». Л., 1926, стр. 28.

²³ Замечания об «элементах синтаксиса разговорной речи» см.: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 187—196. Анализ ряда высказанных в этом разделе положений дан в соответствующих главах настоящей работы.

²⁴ См.: Л. П. Якубинский. О диалогической речи, стр. 174—176.

в разговорной речи часто функционируют лишь в определенных лексических условиях: конструкция лексически ограничена, ее словесное наполнение не свободно, грамматическая форма встречает «сопротивление лексического материала» (В. В. Виноградов). Этим создаются совершенно особые типы построений, которые не могут быть отнесены к числу абстрактных, свободно наполняемых любым словесным материалом схем, составляющих основу собственно грамматики. Эта лексическая «несвободность» многих типов построений разговорной речи неоднородна. С одной стороны, многочисленны конструкции, в которых лексически незаменим один из обязательных компонентов. Таковы, например, построения с частицами и междометиями: без определенного слова нет данной конструкции с данным модально-экспрессивным значением. Так, в построениях типа *Ай да Ваня!* первый компонент лексически незаменим; то же самое имеет место во многих лексически ограниченных конструкциях — соединениях двух полнозначных слов: *сидит пишет, похожу пойду, взять да и отказаться* и др. С другой стороны, имеет место более сложное и, может быть, с большим трудом устанавливаемое явление: в построениях, конструируемых с участием словесно незаменимых элементов, может быть лексически, категориально или формально ограничен и второй компонент. Например, в именных построениях типа *Ах он мошенник!* незаменимо междометие; второй компонент категориально ограничен: это личное местоимение; третий компонент ограничен категориально и лексически: это или существительное, называющее лицо по отрицательному (реже — положительному) признаку, или прилагательное с оценочно-характеризующим значением (*подлый, наглый, милый* и т. п.), или, наконец, сочетание «оместоменивающегося» существительного с определяющим его прилагательным (*добрая душа, золотой человек* и т. п.).

Специфика материала определяет собою и особые приемы анализа. В интересной статье «О лексических элементах в системе русской грамматики», посвященной взаимодействию лексических и грамматических факторов внутри слова, Л. В. Копецкий пишет: «При описании грамматического строя пользуются обычно одним из двух методов: или ограничиваются констатацией грамматического явления, его объяснением и правилом без попыток точнее определить границы его применения, или дается более развернутая характеристика явления с стремлением указать границы действия сформулированного правила. В первом случае грамматика не может дать указаний обо всех случаях поведения слова в речи и о подчиненности каждого слова определенным правилам; во втором — необходимо вносить в грам-

матику много лексического материала без надежды зафиксировать все случаи, например, отклонений от сформулированных правил»²⁵. При изучении специфических конструкций разговорной речи первый путь — путь «констатации грамматического явления без попыток точнее определить границы его применения» часто оказывается односторонним и просто ошибочным. Опасности, поджидающие исследователя на втором пути, остаются именно теми, о которых пишет Л. Копецкий: пытаюсь определить «границы действия сформулированного правила», языковед неизбежно вносит в грамматику лексический материал и в то же время не может рассчитывать на то, что описание его будет исчерпывающим. И все же приходится идти по второму пути. Конструктивные черты очень многих построений разговорной речи не могут быть установлены без учета возможностей их лексического наполнения²⁶. По существу, лексические ограничения являются как бы элементом формы такой конструкции, наряду с лежащей в ее основе абстрактной схемой соединения словесных элементов и со свойственной данной конструкции интонацией. Такое соотношение формопоказателей конструкции характерно именно для разговорной речи; в письменной речи момент лексической ограниченности выступает в сравнительно узком круге построений и не имеет определяющего значения для системы в целом.

Что касается вопроса об исчерпывающем характере описания, то в принципе оно возможно и в конце концов, конечно, будет осуществлено; естественно, что ему должны предшествовать работы подготовительного характера, к числу которых следует отнести и предлагаемые ниже главы.

Относится ли исследование фразеологизированных и лексически ограниченных построений разговорной речи к изучению строя языка? Правоммерно ли видеть в них объект синтаксического исследования? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Такие построения образуются по своим особым

²⁵ L. V. Kopecskij. O lexikálních prvcích v systému ruské mluvnice (Přspěvek k ruské lexikologii). Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR. Praha, 1956, стр. 549.

²⁶ В разговорной речи «... собственно синтаксическая сторона строения предложения входит в соприкосновение с областью лексики, и исследователь оказывается перед проблемой взаимодействия этих двух различных, но вместе с тем нередко органически переплетающихся языковых областей. Как ни нова и ни сложна эта проблема, уклоняться от ее рассмотрения нет никаких оснований, тем более, что на материале разговорной речи разработка ее обещает дать более интересные результаты, нежели на материале речи письменно-книжной» (А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 19).

правилам; в основе их лежит определенная модель, специфика которой по сравнению со свободным построением состоит в ограниченной возможности словесного наполнения одного из формообразующих элементов или во фразеологическом характере самой этой модели. Отсюда — единственно возможный метод изучения таких конструкций: их двусторонний анализ, описание как лежащей в их основе грамматической схемы, так и тех словесных рамок, которыми эта схема ограничена. Рядом с этими двумя аспектами изучения необходимо присутствует и третий. Описываемые конструкции разговорной речи никогда не бывают нейтральны с точки зрения своих модальных значений (о принятом в работе понимании этого термина см. ниже). Эти значения заложены в самой форме конструкции и неотделимы от нее.

В предшествующем изложении для обозначения объекта предлагаемого ниже исследования как равнозначные употребляются термины «построение», «конструкция». Каково содержание этих терминов? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать о принятом в работе понимании предикативности.

В результате долгих разысканий и споров в нашей науке в последнее время определились две точки зрения на то, что такое предикативность в грамматическом смысле этого термина²⁷. Одна представлена в работах акад. В. В. Виноградова, в частности в написанном им введении ко второму тому академической «Грамматики русского языка» и в основанной на этом введении статье²⁸. Другая в полемической форме изложена в статье М. И. Стеблина-Каменского «О предикативности»²⁹. Согласно первой точке зрения «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности»³⁰. Предикативность — это «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают при-

²⁷ Рассмотрение предикативности как «понятийной категории» (см. И. И. Мещанинов. Предикативность, сказуемость и глагольность. «Вестник ЛГУ», 1945, № 4—5), естественно, не может быть признано грамматическим подходом к данному явлению.

²⁸ В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1.

²⁹ М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. «Вестник ЛГУ», № 20. Серия истории, языка и лит-ры, вып. 4. Л., 1956. Резюме см.: «Тезисы докладов по Секции филологических наук». Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Научная сессия 1955—1956 гг. Л., 1956.

³⁰ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 80.

роду предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»³¹. «Со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы». Это «категории времени и модальности, а также — в широком синтаксическом понимании — и категория лица, т. е. категории, выражающие отношение сообщения к действительности и выводимые под общее понятие „предикативности“...»³². «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения»³³. Без предикативности нет предложения. Категории модальности, времени и лица, «работая» совместно, создают особое и высшее качество — предикативность как обязательное свойство всякой единицы языкового общения.

Согласно другой точке зрения предикативность — это «сказуемое свойство» или «сказуемое отношение», т. е. «то, что делает сказуемое сказуемым»³⁴. «Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то, очевидно, в нем нет и предикативности»³⁵. «Предикативность, или предикативное отношение, это по содержанию несомненно и есть то, что в логике называется отношением между субъектом и предикатом суждения»³⁶. «...Между предикативностью и предложением нет соотносительности. Наличие сказуемого, а следовательно и предикативности не является существенным признаком предложения»³⁷. М. И. Стеблин-Каменский полагает, что слово «предикативность» со значением «то, что делает предложение предложением», вообще не нужно, так как понятие предикативности полностью покрывается понятием предложения. Однако анализируя предложения разных типов, автор статьи не находит в них общих для всякого предложения языковых показателей. Предложения типа *Пожар!*

³¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 76.

³² Там же, стр. 78—79.

³³ Там же, стр. 80.

³⁴ М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности, стр. 133.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 135.

³⁷ Там же.

оформляются «только интонацией»: «определенная интонация делает это предложение предложением»³⁸. Предложения типа *Птица летит* или *Стена бела* оформлены «не интонацией, а определенной внутренней структурой», т. е. тем, что «в них есть сказуемое»³⁹: «... в предложении, в котором есть сказуемое, несомненно именно сказуемое является тем, что заставляет осознавать это предложение как предложение»⁴⁰. Следовательно, интонация не является средством оформления всякого, любого предложения вообще, а только некоторых его типов, и там, где у предложения есть «внутренняя структура», роль интонации несущественна. Между «внутренней структурой» и наличием сказуемого ставится знак равенства. Что же объединяет предложения типа *Пожар!*, не имеющие, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, своей внутренней структуры, и предложения типа *Птица летит*, имеющие внутреннюю структуру, в единой категории предложения? Отнесенность к действительности. Но каковы же общие, обязательно присутствующие в любом предложении языковые показатели этой отнесенности? Получается, что таких общих показателей нет. Однако эта точка зрения явно неубедительна. Если предложение есть цельная языковая категория, то у него должны быть единые для всех типов и разновидностей общие собственно языковые приметы. Потому-то *Пожар!* и *Птица летит* и могут быть объединены под общим названием предложения, что они оба являются носителями тех собственно языковых, синтаксических категорий, о которых говорилось выше. И, конечно, оба эти предложения имеют каждое свою внутреннюю словесную структуру; для первого предложения это — номинатив, несущий в себе — уже как в единице коммуникации — значение утверждения наличия называемого, а также значения времени и модальности; для второго это — определенным образом оформленное сочетание слов, несущее те же общие значения. И то особое языковое качество, которое возникает в результате взаимодействия синтаксических категорий времени, лица и модальности в рамках определенной словесной схемы, всегда выражается нераздельным сочетанием словесно-грамматических и интонационных средств: в одном случае — специфически интонируемым номинативом, в другом — также имеющим свою характерную интонацию грамматически оформленным сочетанием слов определенных категорий.

³⁸ М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности, стр. 134.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

Из сказанного ясно, что в настоящей работе принята первая точка зрения на то, что следует понимать под предикативностью как языковой категорией.

В составе любого предложения как единицы сообщения выделяется слово или сочетание слов, сосредоточивающее в себе тот комплекс предикативных значений, о которых говорилось выше. В двусоставном предложении это — сказуемое⁴¹, в односоставном — главный член предложения. «...Выдвижение глагола на роль организатора предложения объясняется не только преобладанием, особенной употребительностью глагольных типов предложения, но и тем обстоятельством, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения»⁴². Этот тезис в несколько измененном виде должен быть распространен на главный член односоставного предложения и на сказуемое, — независимо от того, какой частью речи они выражены. Это — «организаторы предложения», в формах которых находят непосредственное выражение синтаксические категории лица, времени и модальности.

При нераспространенности предложения особенно наглядно выступают общие черты главного члена или, что то же самое, предикативной основы⁴³ односоставного предложения и сказуе-

⁴¹ Невозможно согласиться с узким и односторонним пониманием «ядра проблематики сказуемого», высказанным в статье Р. Мразека «Проблема сказуемого и его классификации» («Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university». Ročník VII. Řady jazykovědné. (A). Č. 6. Brno, 1958), где говорится, что «вся суть проблематики именного сказуемого, и не только именного, но и глагольного сказуемого» заключается в «комплексном» или «некомплексном понимании именного сказуемого» (стр. 11 и 12. Разрядка автора. — Н. Ш.). При «комплексном понимании» сказуемым признается сочетание имени не только со связкой *быть*, но и с рядом других глаголов; при «некомплексном понимании» сказуемым считается всегда только глагол, а приглагольное имя рассматривается как второстепенный член предложения.

⁴² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 78.

⁴³ Предикативной основой будем называть такой элемент или такое соединение элементов предложения, без которого оно не может существовать как данный грамматический тип относительно законченного высказывания. Так, предикативной основой двусоставного предложения будет сочетание подлежащего и сказуемого; предикативная основа односоставного предложения — его главный член; в так называемых неполных предложениях предикативной основой является член предложения, сосредоточивающий в себе значения лица, времени и модальности.

мого предложения двусоставного⁴⁴. Эта общность предикативных значений опирается, во-первых, на общность морфологических способов оформления соответствующих членов предложения, во-вторых, на общность тех языковых средств, при помощи которых на «грамматический грунт» такой формы «накладывается» «второй слой»⁴⁵ модальных значений. Так, сопоставляя предложения *Шел-шел и дошел* и *Я шел-шел и дошел*, мы видим, что главный член первого предложения (*шел-шел*) и сказуемое второго предложения (*шел-шел*) имеют одинаковое значение длительности признака, создающееся специфически интонируемым бессоюзным соединением двух одинаковых форм одного и того же глагола. Значение интенсивности и полноты выявления предикативного признака в предложении *Так и хлещет* и в сказуемом двусоставного предложения *Дождь так и хлещет* создается одним и тем же способом: соединением глагольной формы со сложной наречной частицей *так и*. То же значение интенсивности в предложении *Ох и умен!* и в сказуемом предложения *Сынишка у меня ох и умен!* одинаково создается соединением прилагательного с междометным сочетанием. Таким образом, налицо общность формальных типов главного члена односоставного предложения и сказуемого двусоставного предложения.

В строе разговорной речи выявляется целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и модальное значение осложнено значениями характера протекания во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и др. В таких сказуемых и основах предложения обнаруживаются общие правила их образования средствами разного вида повторов и соединений полных слов, сочетаний полных слов с частицами и с междометиями или путем использования застывших фразеологизированных моделей. Все это дает право, — помня, конечно, о существенных различиях этих двух синтаксических единиц, — обозначать такие сказуемые и основы предложения одним об-

⁴⁴ Об общности значений предложения и сказуемого как «сообщающих единиц» языка см. замечания в статье А. Дмитриевского «Практические заметки о русском синтаксисе» («Фил. зап.», 1878, вып. 1, стр. 53). Ср. в цитировавшейся выше статье М. И. Стеблина-Каменского: «Между словом *пожар* в „односоставном“ предложении „Пожар!“ и словом *пожар* в „двусоставном“ предложении „Пожар начался“ в синтаксическом отношении нет абсолютно ничего общего. Напротив, *сiju* в „односоставном“ предложении „Сiju как на иголках“ и *сiju* в „двусоставном“ предложении „Я сiju как на иголках“ совершенно аналогичны в своей синтаксической функции выразителя предикативности, т. е. в своей функции сказуемого» (стр. 137).

⁴⁵ См.: В. В. Виноградов. О категории модальности..., стр. 59.

щим термином; таким названием и может быть «построение» или «конструкция».

Объектом предлагаемого исследования являются такие сказуемые и основы предложения, самой формой которых выражаются те или иные дополнительные модальные и экспрессивные значения. Хорошо известно, насколько неопределенными и даже туманными стали в последнее время термины «модальность» и «экспрессивность». Не считая целесообразным входить здесь в подробное рассмотрение разных точек зрения, достаточно полно освещенных в ряде специальных работ⁴⁶, изложим кратко принятое в настоящем исследовании понимание модального значения, которое представляется наиболее верно отражающим то, что реально существует в языковой действительности.

«Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальное отношение. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения»⁴⁷. Это — так называемая объективная модальность, обязательно присутствующая в любом построении как одна из конструирующих его категорий. Объективно-модальные значения несут в себе характеристику сообщаемого. Эта характеристика может быть либо самая общая (именно ее присутствие обязательно: всякое предложение имеет значение или сообщения, или побуждения, или вопроса), либо более частная, обычно выявляющаяся в рамках собственно сообщающего построения; это характеристика предикативного признака со стороны полноты и интенсивности его проявления, характера протекания во времени, «сложности», исключительности, обусловленности или необусловленности чем-либо и др.⁴⁸ (подробный обзор как частных объек-

⁴⁶ Подробную библиографию см. в кн. В. В. Виноградова «Русский язык (М., 1947), в его статье «О категории модальности и о модальных словах в русском языке», а также в многочисленных диссертационных работах последнего десятилетия, посвященных изучению модальных слов и частиц в отдельных языках (диссертации С. И. Бураковой, Л. М. Чистяковой, Г. И. Чирвы, Т. В. Борисовой, Б. Б. Шувалова, А. И. Корнеевой, С. Е. Каган, И. Г. Рикман, Д. С. Светлышева и др.).

⁴⁷ «Грамматика русского языка», т II, ч. 1, стр. 81.

⁴⁸ «Сама модальность, или скорее — *квалитативность* суждения бывает различна, и мы можем в этой области построить целую гамму всевозмож-